

Лев Николаевич Толстой

Два письма к М Ганди

Толстой Лев Николаевич

Два письма к М Ганди

Лев Толстой

Два письма к М.Ганди

I *

Сейчас получил ваше в высшей степени и интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жесткого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым годом все более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским - в отказах от военной службы. Отказы становятся все чаще и чаще.

Письмо к индусу писано мною (1). Перевод очень хорош. Заглавие книги о Кришне вам будет выслано из Москвы (2).

Слово reincarnation (3) мне бы не хотелось исключать, потому что, по моему мнению, вера в reincarnation никогда не может быть так тверда, как вера в неумираемость души и в справедливость и любовь Бога. Впрочем, делайте, как хотите. Переведу на индусский язык моего письма и распространению его могу только радоваться.

Думаю, что competition (4), т.е. денежное поощрение, в деле религиозном неуместно. Если я могу служить чем вашему изданию (5), то буду очень рад.

Братски приветствую вас и радуюсь общению с вами.

7 окт. 1909

КОММЕНТАРИИ

* Ответ на письмо М. Ганди из Лондона от 1 октября 1909 г. С подробным описанием тяжелого положения индусов в Трансваале - в Южной Африке.

Сорокалетний Мохандас Ганди (1869-1947) впоследствии прозванный Махатма (великая душа), в 1909 г. Ездил в Лондон и оттуда писал Толстому. Письмо это было откликом на "Письмо к индусу" (Таракуат Дас) 1908 г.

В письме к Толстому Ганди пишет: "Мне выпало счастье изучать ваши писания, произведшие глубокое впечатление на мое мировоззрение".

О положении индусов в Трансваале Ганди сообщает: "Борьба еще продолжается и неизвестно, когда закончится, но она показала, что пассивное сопротивление может и долж-

но победить там, где грубое насилие бессмысленно...Я знаю, что те, кто чтит вас и пытается следовать Вам, не имеют права отнимать Ваше время и, насколько могут, должны воздерживаться чем-либо затруднять Вас. И все же я, абсолютно неизвестный Вам человек, осмеливаюсь обратиться к Вам с этим письмом ради истины и с целью услышать Ваш совет относительно тех вопросов, решение которых Вы сделали задачей Вашей жизни".

По поводу этого письма этого письма Толстой писал В.Г. Черткову 28 сентября: "Письмо трансваальского индуса тронуло меня".

(1) Речь идет о письме-статье Толстого к Таракуат Дас, 1908 г. Ганди и его друзья намеревались перевести статью, и предварительно хотели удостовериться в авторстве Толстого. Ганди приложил рукопись перевода статьи.

(2) В "Письме к индусу" к каждой главе эпиграфом поставлены изречения Кришны в переводе Толстого на русский язык. Ганди спрашивал, откуда взяты эти изречения. Взяты они из книги Baba Premenad Bharati, "Shree Krishna. The Lord of Love", New York, 1904.

(3) По поводу имеющегося в конце статьи Толстого возражения против учения о перевоплощении (reincarnation) Ганди просил Толстого исключить "перевоплощение" из числа тех понятий, в которых Толстой хочет разубедить читателя.

(4) Ганди поделился с Толстым своей мыслью о целесообразности общественного конкурса (competition) на статью по вопросу о "нравственности и действительности пассивного сопротивления".

(5) Толстой имел в виду свое участие не в издании "Письма к индусу" в переводе на индусский язык, а в составлении статьи на тему о "нравственности и действительности пассивного сопротивления".

II *

Получил ваш журнал Indian Opinion и был рад узнать все то, что там пишется о непротивляющихся. И захотелось сказать вам те мысли, которые вызвали во мне это чтение.

Чем дольше я живу, и в особенности теперь, когда живо чувствую близость смерти, мне хочется сказать другим то, что я так особенно живо чувствую и что, по моему мне-

нию, имеет огромную важность, а именно о том, что называется непротивлением, но что в сущности есть не что иное, как учение любви, не извращенное ложными толкованиями. То, что любовь, т.е. стремление душ человеческих к единению, и вытекающая из этого стремления деятельность есть высший и единственный закон жизни человеческой, это в глубине души чувствует и знает каждый человек (как это мы яснее видим на детях), знает, пока он не запутан ложными учениями мира. Закон этот был провозглашен всеми, как индийскими, так и китайскими и еврейскими, греческими, римскими мудрецами мира. Думаю, что он яснее всего был высказан Христом, который даже прямо сказал, что в этом одном весь закон и пророки. Но мало этого, предвидя то извращение, которому подвергается и может подвергнуться этот закон, он прямо указал на ту опасность извращения его, которая свойственна людям, живущим мирскими интересами, а именно ту, чтобы разрешать себе защиту этих интересов силою, т.е., как он сказал, ударами отвечать на удары, силою отнимать назад присвоенные

предметы и т.п. и т.п. Он знает, как не может не знать этого каждый разумный человек, что употребление насилия несовместимо с любовью как с основным законом жизни, что, как скоро допускается насилие, в каких бы то ни было случаях, признается недостаточность закона любви и потому отрицается сам закон. Вся христианская, столь блестящая по внешности, цивилизация выросла на этом явном и странном, иногда сознательном, большей частью бессознательном, недоразумении и противоречии.

В сущности, как скоро было допущено противление при любви, так уже не было и не могло быть любви как закона жизни, а не было закона жизни, кроме насилия, т.е. власти сильнейшего. Так 19 веков жило христианское человечество. Правда, во все времена люди руководствовались одним насилием в устройстве своей жизни. Разница жизни христианских народов от всех других только в том, что в христианском мире закон любви был выражен так ясно и определенно, как он не был выражен ни в каком другом религиозном учении, и что люди христианского мира

торжественно приняли этот закон и вместе с тем разрешили себе насилие и на насилии построили свою жизнь. И потому вся жизнь христианских народов есть сплошное противоречие между тем, что они исповедуют, и тем, на чем строят свою жизнь: противоречие между любовью, признанной законом жизни, и насилием, признаваемым даже необходимостью в разных видах, как власть правителей, суды и войска, признаваемым и восхваляемым. Противоречие этого все росло вместе с развитием людей христианского мира и в последнее время дошло до последней степени. Вопрос теперь стоит очевидно так: одно из двух: или признать то, что мы не признаем никакого религиозно-нравственного учения и руководствуемся в устройстве нашей жизни одной властью сильного, или то, что все наши, насилием собираемые, подати, судебные и полицейские учреждения и, главное, войска должны быть уничтожены.

Нынче весной на экзамене закона божия одного из женских институтов Москвы законоучитель, а потом и присутствовавший архиерей спрашивали девиц о заповедях и осо-

бенно о шестой. На правильный ответ о заповеди архиерей обыкновенно задавал еще вопрос: всегда ли во всех случаях запрещается законом Божиим убийство, и несчастные, возвращенные своими наставниками девицы должны были отвечать и отвечали, что не всегда, что убийство разрешено на войне и при казнях преступников. Однако, когда одной из несчастных девиц этих (то, что я рассказываю, не выдумка, а факт, переданный мне очевидцем) на ее ответ был задан тот же обычный вопрос: всегда ли греховно убийство? она, волнуясь и краснея, решительно ответила, что всегда, а на все обычные софизмы архиерея отвечала решительным убеждением, что убийство запрещено всегда и что убийство запрещено и в Ветхом завете и запрещено Христом не только убийство, но и всякое зло против брата. И, несмотря на все свое величие и искусство красноречия, архиерей замолчал, и девушка ушла победительницей.

Да, мы можем толковать в наших газетах об успехах авиации, о сложных дипломатических сношениях, о разных клубах, открытиях,

союзах всякого рода, так называемых художественных произведениях и замалчивать то, что сказала эта девица; но замалчивать этого нельзя, потому что это чувствует более или менее смутно, но чувствует всякий человек христианского мира. Социализм, коммунизм, анархизм, армия спасения, увеличивающаяся преступность, безработность населения, увеличивающаяся безумная роскошь богатых и нищета бедных, страшно увеличивающееся число самоубийств, все это признаки того внутреннего противоречия, которое должно и не может не быть разрешено. И. Разумеется разрешено в смысле признания закона любви и отрицания всякого насилия. И потому ваша деятельность в Трансваале, как нам кажется на конце света, есть дело самое центральное, самое важное из всех дел, какие делаются теперь в мире и участие в котором неизбежно примут не только народы христианского, но всякого мира. Думаю, что вам приятно будет узнать, что у нас в России тоже деятельность эта быстро развивается в форме отказов от военной службы, которых становится с каждым годом все больше и больше. Как ни ничтожно

количество и ваших людей, непротивляющихся, и у нас в России число отказывающихся, и те и другие могут смело сказать, что с ними Бог. А Бог могущественнее людей.

В признании христианства, хотя бы и в той извращенной форме, в которой оно исповедуется среди христианских народов, и в признании вместе с этим необходимости войск и вооружения для убийства в самых огромных размерах на войнах, заключается такое явное, вопиющее противоречие, что оно неизбежно должно рано или поздно, вероятно очень рано, обнаружиться и уничтожить или признание христианской религии, которая необходима для поддержания власти, или существование войска и всякого поддерживаемого им насилия, которое для власти не менее необходимо. Противоречие это чувствуется всеми правительствами, как вашим британским, так нашим русским, и из естественного чувства самосохранения преследуется этими правительствами более энергично, как это мы видим в России и как это видно из статей вашего журнала, чем всякая другая антиправительственная деятельность.

Правительства знают, в чем их главная опасность, и зорко стерегут в этом вопросе уже не только свои интересы, но вопрос быть или не быть.

С совершенным уважением Leo Tolstoy. 7 сент. 1910 г. Кочеты

КОММЕНТАРИИ

* Письмо Толстого к Ганди о непротивлении от 7 сентября 1910 г. Было 6 сентября продиктовано Д.П. Маковицкому на русском языке и отправлено для перевода В. Черткову, который его перевел 14 сентября и отправил свой перевод на одобрение Толстому, сообщив при этом, что написал от себя ответ другу Ганди Калленбаху. Письма эти, одобренные Толстым, опубликованы в "Литературном наследстве" № 37-38 с. 348-350.

Калленбах, друг Ганди, прислал Толстому письмо из Трансвааля от 14 августа 1910 г., в котором писал, что без разрешения Толстого назвал его именем свою ферму (около 1100 акров), предоставленную им для Ганди и его сторонников.

О Калленбахе Ганди писал Толстому: "Калленбах пишет Вам о "Толстовской ферме". С

Калленбахом мы дружны уже многие годы. Могу сказать о нем, что он также прошел через большинство тех испытаний, которые Вы так образно описываете в вашей книге "Исповедь". Никакие писания не производили на Калленбаха такого сильного впечатления, как Ваши, и в виде стимула для дальнейшего усилия к достижению тех идеалов, которые Вы возвращаете миру, он позволил себе, посоветовавшись со мной, назвать свою ферму в честь Вас..."

Ганди получил письмо Толстого в Трансваале всего за несколько дней до смерти Толстого. Ответить ему он уже не успел. Ганди напечатал письмо в ближайшем номере своего журнала "Indian Opinion" 19 ноября 1910 г. И вторично в этом же журнале, в так называемом "золотом номере", выпущенном в ознаменование победы южноафриканских индусов в борьбе за свои гражданские права. Там же был помещен портрет Толстого, под которым значится, что великий русский писатель является одним из главных вдохновителей этой борьбы, длившейся с 1906 по 1914 г.

В своей автобиографии Ганди сообщает о

том большом влиянии, которое имело на него Л.Н. Толстой. По словам Ганди, чтение первого попавшегося ему сочинения Толстого его "потрясло" настолько, что все прочие книги показались ему "ничтожными в сравнении с независимостью мысли, глубокой нравственностью и искренностью Толстого". В одном из своих писем Ганди пишет Толстому: "Как Ваш скромнейший последователь посылаю Вам при сем книжку, написанную мною ("Самоуправление Индии"), Ваша критика этого сочинения будет для меня в высшей степени ценной". В другом месте он еще раз отмечает: "Три современника оказали на меня сильное влияние: Райчандбай своим непосредственным общением со мной, Толстой своей книгой "Царство божие внутри вас" и Рескин своей книгой "У последней черты" (Ганди. "Моя жизнь")".

В своих многочисленных работах, писанных после смерти Толстого, Ганди не раз ссылается на "русского титана", как на "высочайший моральный авторитет".

"Толстовский Листок" печатает два письма к М. Ганди и комментарии к ним по тексту

"Юбилейного издания". В комментарии включены также тексты из "Литературного наследства" №. 37-38, 1939 г.